

Коген Г. Теория опыта Канта / пер. с нем. В.Н. Белова. М. : Академический проект, 2012. 618 с.

Наконец-то на русском языке появилась работа самого основателя знаменитой Марбургской школы Германа Когена. Мы знаем, что эта школа занимает исключительно важное место в истории философской мысли Новейшего времени. Отечественная философская литература обогатилась трудами ближайших учеников Когена «в режиме реального времени». Благодаря этому в отечественной философской традиции присутствуют Наторп, чей доклад «Кант и Марбургская школа» был переведен в начале прошлого века. Мы знаем Э. Кассирера, чья работа «Познание и действительность (понятие о субстанции и понятие о функции)», полностью идущая в русле идей Марбургской школы, была переведена примерно в то же время. Однако для трудов самого Когена путь в российскую философию оказался весьма непростым. Некоторые переводы начали появляться только теперь — в значительной мере благодаря работе и энтузиазму проф. В.Н. Белова.

Но не запоздало ли это издание? Какой интерес, кроме историко-философского, оно может представлять теперь, спустя век после того, как ему следовало бы появиться? Вот вопрос, на который прежде всего надо ответить, говоря об этом издании.

Данная работа (1871) представляет собой первый крупный труд Г. Когена, которым он заявил о себе и с которого начинается его научная карьера. За ним последовали «Обоснование Кантом этики» (1877) и «Обоснование Кантом эстетики»; а за этим циклом интерпретаторских работ появился цикл трудов, представляющих собственную систему Когена. Но при этом он продолжал размышлять над учением Канта, возвращался он и к своему раннему тексту, существенно переработав и расширив его во втором издании 1885 г. и в последние месяцы своей жизни готовя третье издание (1918). Предисловие к этому третьему изданию завершалось выражением уверенности в том, что «дух Канта в его исторической вечности принесет человечеству истинный мир гуманности, объединение в духе» (с. 80).

Если говорить о ценности работы Когена, то, во-первых, она представляется мне связанной с теми возможностями понимания Канта, которые она открывает. Конечно, существует целая библиотека трудов, посвященных интерпретации «Критики чистого разума». Но много ли среди них исследований Канта, написанных самостоятельными мыслителями такого масштаба, как Коген? Я отдаю себе отчет в том, что у многих мои слова вызывают скорее скептицизм по отношению к Когену как исследователю мысли Канта. Мы склонны ожидать, что чем более творческим является мыслитель, тем более его интерпретация (Канта или кого-либо еще) характеризует его самого, а не объект его исследования.

И тем не менее мне представляется, что такое мнение не совсем оправданно. Уникальность книги Когена состоит в том, что в интеллектуальный диалог с Кантом вступает мыслитель высокого ранга. Поэтому уровень этого диалога, накал вопрошания и проблематизации несравнимы даже с са-

мой тщательной и квалифицированной интерпретаторской работой. В данном случае текст Канта исследует человек, способный мыслить на соизмеримом с ним уровне, переживать «сверхзадачу» работы Канта, иметь идею целого кантовского учения и удерживать ее при интерпретации любого отдельного момента.

Вот почему я убеждена, что интерпретаторские работы Когена принципиально важны для углубления нашего понимания Канта.

Я имею в виду такие моменты когеновской интерпретации, как настойчивое подчеркивание того, что трансцендентальный метод исходит из факта — факта математики и математизированного естествознания. Далее: истолкование опыта как коррелята трансцендентального метода; последовательное подчеркивание различия между метафизическим и трансцендентальным (будь то в истолковании пространства и времени или в дедукции категорий); привлечение внимания к значению основоположений чистого рассудка. Наконец, интересным моментом является то, что хотя практически вся книга Когена — комментарий к «Критике чистого разума», но в гл. 15, завершающей этот комментарий и носящей название «Принцип формальной целесообразности», Коген, находя разработку данной темы в «Критике чистого разума» недостаточно ясной и развернутой, обращается больше к «Критике способности суждения», тем самым проливая новый свет на единство кантовской системы.

После знаменитого давосского диспута между Хайдеггером и Кассирером, который ознаменовал собой закат влияния неокантианства, утвердилось клише, что Марбургская школа трактует Канта слишком узко, сводя его учение к теории познания и методологии, упуская метафизику и человека. Вообще говоря, любая интерпретация однобока. Но то обстоятельство, что Коген завершает реконструкцию Кантовой теории опыта обращением к идее цели, показывает, как мне кажется, что «панметодизм» Когена достаточно широк, что он соразмерен кантовской системе. Хотя для более обстоятельного обсуждения этого вопроса надо обращаться уже к сопоставлению кантовской и когеновской этики и философии религии.

Идея Когена рассмотреть понятие опыта как стержень кантовской системы, на который опирается в конечном счете даже его этика, представляется продуктивной хотя бы потому, что она заостряет принципиальное отличие Канта от последующей немецкой философии, которая взялась его исправлять, вычеркивая «вещь саму по себе».

Утверждение об опыте как стержне кантовской концепции указывает на значение встречи с «другим», «сопротивляющимся». И, таким образом, перед нами начинает вырисовываться «сверхзадача» когеновской интерпретации Канта. Его «панметодизм» становится, в конечном счете, основой для философского осмысления места и назначения человека в мире посредством ограничения спекулятивных претензий. Мне кажется, что Коген тут конгениален Канту.

Таким образом, я говорю уже о Когене. В самом деле, предлагаемая вниманию читателей книга сквозь призму интерпретации учения Канта знакомит нас с самим Когеном. Прежде всего, он выступает перед нами как мыслитель, для которого основоположения чистого рассудка есть центральный момент Кантовой критики чистого разума.

Говорить о Когене очень непросто. С одной стороны, прав проф. Белов, когда пишет: «...у Когена проще, чем у Канта, обнаруживаются метафизи-

ческие и психологические предпосылки его "беспредпосылочности", легче выявляются основные системные принципы, понятнее последовательность ходов рассуждения. Если по-другому, Коген более открыт и понятен...» (с. 38). Но в то же время он не так открыт и понятен, как кажется на первый взгляд, и об этом свидетельствуют обращаемые к нему упреки и критика (что и засвидетельствовал в своем предисловии, давая обзор рецепции идеи Когена в русской философии, проф. Белов).

Коген проще в том отношении, что он четче и определеннее — до жесткости. Кажется, что он тем самым отсекает продуктивную глубину кантовских недоговоренностей. Это видно на примере его истолкования трансцендентального единства апперцепции, единства сознания. Канта постоянно упрекают в том, что у него эти понятия не свободны от психологизма. Например, Р. Рорти, отвечая на анкету проф. В. В. Васильева, заявляет, что «теоретическая часть его философии основана на картезианском понятии психики...»¹. Коген не оставляет тут никакой неопределенности: «Конечно, единство опыта есть и остается единством сознания. Но как единство опыта, единство сознания не является единством личностного, психологического сознания, которое связывает врожденное и приобретенное, но единством научного сознания, которое требует объективных условий своей возможности» (с. 267). «Единство сознания не является ни единством категорий, ни единством созерцаний, но в качестве единства синтеза многообразия созерцания оно является связью обоих этих методов. И так как те находят свое выражение в "синтетических основоположениях", то единство сознания является *единством основоположений*» (с. 582). «Научно зафиксированная объективность требует единства сознания только в значении единства основоположений, таким образом, здесь не может больше скрываться ничего личностного, ничего психологического. Основоположения являются фундаментом естественных законов...» (с. 583). Только такое понимание единства сознания он считает трансцендентальным — в противопоставление метафизическому.

Таким образом, где у Канта была многозначность, у Когена жесткая однозначность, выглядящая чуть ли не как насилие над мыслью Канта. Но я хочу обратить внимание на то, что Коген именно этим концептуальным движением совершает переход от классической философии к неклассической. На место неизменной метафизической сущности он ставит реальный исторический феномен — математизированное естествознание и его предпосылки. В его понимании опыта присутствует многое из того, что мы считаем открытиями постпозицицизма: теоретическая нагруженность опыта; историчность априори; историчность познания и субъекта познания, конструктивизм. Как совмещается с этим старомодное понятие системы? Каким образом он удерживается при всем этом от релятивизма? Подобные вопросы важны не только для понимания позиции Когена, но и для оценки перспектив современной эпистемологии.

Относительно самого издания надо сказать, что книга выглядит хорошо, ее приятно и удобно держать в руках. Профессор Белов написал обширное предисловие, которое содержит биографию Когена, историю его архива, общий обзор философии Когена, историю его рецепции в российской философии, описание отличий трех изданий «Теории опыта», а также

¹ Историко-философский альманах. 2005. Вып.1. С. 38.

предисловия автора ко всем трем изданиям. Книга снабжена указателем имен, дополненным краткими персональными данными, но указатель, к сожалению, не отправляет к страницам текста. Можно заметить, что наличие предметного указателя сделало бы работу с текстом более удобной.

Что касается самого перевода, то перед любым переводчиком, как отмечает проф. Белов, стоит неразрешимая проблема того, «насколько допустимо его вмешательство в логику и структуру иностранного текста, с неизбежностью требуемое» (с. 69). Должен ли переводчик стараться сделать текст своего перевода более соответствующим нормам литературного русского языка или сохранить тяжеловесность немецкого оригинала? Профессор Белов решил пойти по второму пути: «автор перевода постарался максимально сохранить его (то есть немецкого языка Когена. — З.С.) строй, внося только самые вынужденные изменения в порядок и перевод слов и предложений» (с. 69). Честно скажу, что мне это не кажется оптимальным. Думается, что решение «дилеммы переводчика» (которую в пору называть «гильотиной переводчика»!) вообще нельзя оставлять на ответственности его одного. Высокая культура перевода, которая у нас была когда-то, во многом держалась на усилиях научных редакторов — фигура, без которой, к сожалению, обходится сейчас большинство издательств. Я имею в виду настоящего научного редактора, который понимает проблематику, хорошо знает язык оригинала и владеет литературным русским языком. Сохранились ли еще такие люди?! Во всяком случае, как я ни рассматривала данное издание, но имени редактора не нашла и полагаю, что его не было. Профессор Белов в одиночку решал все проблемы перевода. А это огромная работа. Труды Когена обширны по объему и тяжелы по языку. Кроме проф. Белова, насколько я знаю, не нашлось никого другого, кто подставил бы свои плечи под такой нелегкий груз. Поэтому надо поблагодарить его за совершенный труд и пожелать успеха в дальнейшей работе над переводами трудов Когена.

З.А. Сокулер,

*проф. каф. онтологии и теории познания
философского ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова*